

— Что это? — Гоудань покрутил в пальцах конверт.

— Откуда мне знать! — Ван Сюань при виде розовой бумаги занервничал не меньше. С ним такое случалось впервые. Он поспешно вырвал конверт из рук друга и сунул в портфель. — Спрячь побыстрее, не хвастайся перед всеми.

После этих слов Гоудань немного смягчился.

Правда, на перемене он всё равно утащил Ван Сюаня в сторонку и принялся расписывать ему все ужасы школьных романов. Гоудань не унимался до тех пор, пока А-Сюань, так и не вскрывая злополучный конверт, тайком от всех его не выбросил.

Оба сделали вид, будто ничего не произошло, однако через несколько дней история повторилась. Ван Сюань снова избавился от послания не глядя.

Когда в классе в третий раз появился точно такой же розовый конверт, подписанный тем же почерком — «Однокласснику Ван Сюаню лично в руки», — Гоудань не на шутку разозлился. Он бесцеремонно сцапал письмо и на весь класс провозгласил:

— Ого! И кто это мне пишет? Да еще и на розовой бумаге!

Он поднес конверт к носу и с притворно-блаженным видом шумно втянул воздух:

— М-м, как пахнет! Духами!

Ван Сюань яростно щипал его под партой, но Гоудань даже бровью не повел. Выдать друга А-Сюань не мог, а потому лишь тихо исходил злостью, не зная, что делать.

Ребята так и хлынули к их парте — шутка ли, кто-то получил настоящее любовное признание! Одноклассники обступили их плотным кольцом, пытаясь рассмотреть конверт, но Гоудань ловко уворачивался, не давая никому прикоснуться к добыче. Толпа дружно заулюлюкала, требуя немедленно вскрыть послание и зачитать, какая именно красавица изливает душу.

Гоудань с улыбкой оглядел притихший класс, словно выискивая кого-то взглядом, и протянул:

— Письмецо-то? Ну что, страсть как хочется почитать?

— Конечно! — хором отозвались ребята.

— Раскатали губу! Писали мне, и это наш маленький секрет. Если я вам всё покажу, какая же это тайна? Знаю я ваши длинные языки. — Гоудань притворно вздохнул и с напускной скромностью покачал головой. — Эх, и не думал, что пользуюсь таким успехом. Все твердят, мол, девицы нынче пошли стыдливые, робкие... Но тут, видимо, любовь совсем голову вскружила, раз решились на такое безрассудство.

— Вот и ломаю теперь голову, что ответить, — продолжил Гоудань, изображая вселенскую

скорбь. — Учителя ведь за свидания по головке не погладят, да и к экзаменам готовиться надо, не до глупостей сейчас. Но откажешь напрямую — девичье сердце разобьешь. Беда, просто беда...

Он кривлялся так забавно, что класс так и покотился со смеху. Гудели знатно, но Гоудань своего добился: конверт незаметно исчез в его кармане, и никто так и не узнал, чьё имя там значилось.

Слухи докатились до классного руководителя. Гоуданя вызвали в учительскую и устроили ему допрос с пристрастием, требуя выдать улику. Тот, состроив невинную гримасу, заявил, что от испуга тут же выбросил письмо в мусорку, даже не вскрывая, так что автора он знать не знает, а саму бумагу давно утилизировали.

Выслушав долгую лекцию о моральном облике советского школьника, Гоудань вернулся в класс. Ван Сюань тут же вскинул на него встревоженный взгляд.

— Всё нормально, — шепнул Гоудань. — Сказал, что выбросил и концов не найти.

Ван Сюань заметно расслабился:

— А я уж испугался, что ты её с потрохами сдашь. Хотя мне эти нежности даром не нужны, но подставлять человека под удар тоже не дело. Узнай классный, девчонке бы несдобровать, затаскали бы по собраниям.

— За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я тяжести последствий не понимаю?

— Но ты ведь нарочно разыграл этот спектакль? Объявил, будто письмо тебе прислали, чтобы её проучить?

— А то как же! — фыркнул Гоудань. — Видит же, что человеку учиться надо, а лезет со своей писаниной. Никакого стыда у девок не осталось. Ты мне смотри, А-Сюань, не вздумай поддаться на эти глупости. Неужели расхотел в университет поступать и учиться у доктора Циня? Или мечтаешь пораньше в деревню вернуться, жениться да ребятишек нянчить?

— Да куда тебя понесло? — рассмеялся Ван Сюань. — Я её в глаза не видел. Может, она и питала какие-то иллюзии, но после твоей клоунады точно возненавидит меня до глубины души. Да я и не спорю, ты всё правильно сделал. Правда, без обид. — Он поспешил добавить последнюю фразу, заметив, как у друга недовольно поползли вверх брови.

— То-то же. Спугнул я твою поклонницу, зато уберёг от беды.

— Ладно, ладно, угомонись.

На этом тема любовных посланий временно закрылась.

Приближался Новый год. В классе вовсю репетировали праздничные номера, а среди самых продвинутых учеников пошла мода дарить друг другу открытки — яркие, с живописными пейзажами. Позволить себе такое баловство могли лишь дети из обеспеченных семей: стоили

подобные безделушки недешево, да и в обычных магазинах их было не сыскать. Чаще всего это были редкие новогодние поздравления, которые выдавали родителям на закрытых предприятиях.

И вот на парте Ван Сюаня снова обнаружился сюрприз: изящное поздравление и бумажный сверток с угощением. На этот раз дарительница, видимо учтя горький опыт, крупно вывела имя адресата прямо на упаковке и намертво примотала подарок к крышке стола широкой изолентой.

«Ишь ты, выдумщица, новые способы в ход пошли», — хмыкнул про себя Ван Сюань.

Неужели его деликатный отказ в прошлый раз она сочла за слабость и решила зайти с другого бока?

Вся эта мышиная возня изрядно утомляла А-Сюаня. Он то и дело дергался, опасаясь новой бурной реакции Гоуданя — не хватало только, чтобы того опять потащили к директору на ковер.

Однако, вопреки ожиданиям, Гоудань даже не нахмурился. Он деловито отодрал ленту, развернул шуршащую бумагу и, ничтоже сумняшеся, за обе щеки принялся уплетать содержимое свертка.

— Ты что творишь? — шепотом округлил глаза Ван Сюань.

— Завтракаю. Время к урокам, я проголодался как собака. Будешь? — с набитым ртом поинтересовался Гоудань, протягивая ему недоеденное лакомство.

К этому моменту класс уже почти заполнился. Заметив оживление за задней партой, одноклассники начали подтягиваться поближе. Гоудань широким жестом принялся раздавать угощение всем желающим:

— Налетайте, пробуйте, не стесняйтесь!

Ребята с веселым гомоном разбирали сладости. Все в школе знали, что умнице и красавцу Ван Сюаню прохода не дают, так что появление очередного подношения никого не удивило.

— Слышь, Ли Кай, — подмигнул кто-то из парней, — а твоя зазноба что же, ничем тебя не балует?

— Да ну тебя! Какая еще зазноба? — отмахнулся тот. — Я парень серьезный, учебой занят. Нам учителя заводить романы строго-настрого запретили.

— Ого, а это еще что за штука? Сладкая какая, во рту тает!

— То-то и оно, деликатес! — ухмыльнулся Гоудань. — Я и сам такого отродясь не пробовал. Вкуснотища!

— Ли Кай, ну как тебе не стыдно? Это же подарок для Ван Сюаня! Не видишь, на свертке его имя написано? Взял чужое без спроса, как дикарь какой-то. Никакого воспитания!

Голос прозвучал звонко и зло. «А вот и наша тайная обожательница подала голос», — пронеслось в голове у Гоуданя.

На самом деле круг подозреваемых он очертил еще в тот момент, когда увидел диковинный импортный шоколад и дорогую открытку. Подобные лакомства водились только в домах номенклатурной элиты. Сверток лежал на парте до того, как пришел дежурный, значит, у дарителя был ключ от класса. А ключи выдавали только старосте и старостам секторов. Сложив два и два, Гоудань сразу понял, кто за этим стоит — в классе под это описание подходили от силы две-три девчонки. И сейчас перед ними стояла Чжан Юйвэй.

— И в чём же выражается моя невоспитанность, позволь узнать? — Гоудань смерил девушку ленивым взглядом.

— А в том! Таскаешь чужое без спроса. Ван Сюань вон аж с лица спал от злости, а тебе и дела нет!

— Мы с А-Сюанем братья, делить нам нечего. Раз вещь подарили ему, значит, она его. Я взял у брата, а не у тебя, с чего ты-то взвилась? А-Сюань, ты на меня в обиде, что ли?

Ван Сюань молча мотнул головой, подтверждая, что претензий не имеет.

— Вот, видела? — торжествующе ухмыльнулся Гоудань. — Никто не сердится.

— Да он просто стесняется тебе возразить! — не унималась Чжан Юйвэй. — Даже между родными братьями должно быть уважение к личным вещам. Каждый человек — самостоятельная личность! Когда вы вырастаете и обзаведетесь собственными семьями, тоже будете всё в одну кучу валить? А-Сюань молчит лишь потому, что приют в твоём доме нашёл, но это не даёт тебе права помыкать им и пользоваться его безотказностью!..

— Довольно, — холодно оборвал её Ван Сюань. Лицо Гоуданя в этот миг потемнело от гнева. — Одноклассница Чжан Юйвэй, в делах нашей семьи мы разберемся без посторонних. Пусть мы не кровная родня, но всё, что принадлежит мне — принадлежит и моему брату. Он может брать мои вещи когда угодно, равно как и я его.

Ван Сюань поднялся из-за парты, глядя девушке прямо в глаза:

— Я понятия не имею, кто притащил сюда этот сверток. Раз уж мой брат съел угощение, я полностью возмещу его стоимость. Сейчас положу деньги на стол — пусть хозяин заберет.

— Да я... я вовсе не это имела в виду... — Чжан Юйвэй вспыхнула, растерявшись.

— Не важно, что ты имела в виду. Никому не позволено наговаривать на моего брата. Скоро звонок на утреннюю самоподготовку, расходитесь по местам.

Гоудань молча слушал эту отповедь, светясь изнутри от гордости за названного брата. Едва одноклассники разбрелись по своим партам, он соорудил А-Сюаню уморительную рожицу.

Ван Сюань беззлобно шикнул на него:

— И ты хорош! Тащишь в рот что попало. А если бы там отравка какая была? Живот скрутит — кто тебя лечить будет?

Гоудань еле сдерживал смех. Чжан Юйвэй сейчас наверняка исходила бессильной злобой. Он скосил глаза в её сторону: активистка действительно сидела пунцовая, едва не плача от обиды, и сверлила его яростным взглядом. Гоудань в ответ лишь расплылся в довольной усмешке.

«Ишь чего удумала, клинья между нами вбивать! Разбежалась, — победно подумал он. — Мало того что А-Сюань к ней и близко не подходил, так она еще и на будущее замахивается. Даже если мы когда-нибудь обзаведемся женами, неужели какая-то чужая девка сможет разрушить нашу дружбу? Сама еще никто, а уже пытается нас разделить».

Впрочем, после этого случая любовная лихорадка в классе пошла на спад. Больше на парте Ван Сюаня не появлялись ни слащавые стихи, ни импортные открытки, да и желающих «проконсультироваться по домашке» поубавилось.

— Вот и ладно, хоть вздохнем спокойно, — резюмировал Гоудань, лениво жуя очередную сушку.

Ван Сюань после той истории взял за правило всегда иметь при себе запас съестного, чтобы Гоудань от голода снова не позарился на чужие подношения.

— Раз вечно голодный ходишь, значит, в столовой не наедаешься. На вот, жуй лучше это, — ворчал А-Сюань, подсовывая ему домашние галеты.

Гоудань спорить не стал. Инцидент исчерпал себя, и больше к нему не возвращались.

— Эх, мне бы такого заботливого брата, как Ван Сюань, чтобы вкуснятиной снабжал, — завистливо вздохнул сосед с передней парты, когда Гоудань отказался поделиться с ним очередной галетой.

В классе, конечно, все знали, что Ли Кай и Ван Сюань — названные братья. Разные фамилии сразу выдавали отсутствие кровного родства, да и общих родителей у них быть не могло. Со временем ребята разузнали, что Ван Сюань остался сиротой и семья Ли просто приютила его.

Оба сейчас активно росли, и Ван Сюань понимал, что вечно кулинарить в общежитии не дело. С одной стороны, вокруг соседи-одноклассники — пахнет вкусно, не угостить неудобно. С другой стороны, если всех кормить, самим ничего не достанется. К тому же Гоудань патологически не умел делиться едой с чужаками — сказывалось голодное детство, оставившее неизгладимый отпечаток на всю жизнь. Стоило кому-то протянуть руку к его тарелке, как он начинал глухо ворчать и прятать припасы.

Когда Ван Сюань озвучил эти опасения, Гоудань крепко задумался.

— Слушай, а может, нам жилье снять? — предложил он.

Конечно, свободных квадратных метров в уездном городе днем с огнем не сыщешь, но всегда найдутся те, у кого пустует угол-другой. Пусть даже таких счастливчиков немного.

— Выберем денёк да походим по улицам, поспрашиваем, — добавил Гоудань.

Жизнь в общежитии имела свои плюсы — весело, шумно, да и до учебного корпуса рукой подать. Но у них была особая ситуация. Во-первых, теперь они не нуждались в деньгах и могли позволить себе питаться сытно и качественно, однако на фоне сверстников из простых семей такая роскошь выглядела бы вызывающе. Во-вторых, у них имелись свои тайны, включая пространственный карман, да и регулярные поездки в Южные регионы за товаром требовали надежного места для хранения вещей. Ну и в-третьих — глупо тесниться в казенных стенах, когда есть и средства, и возможность устроиться с комфортом.

Решив этот вопрос, они стали тратить каждую свободную минуту на поиски: садились на велосипеды и колесили по закоулкам уездного центра. Однако за полмесяца упорных поисков дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Жилищный кризис в городе стоял острейший, и никто не спешил пускать постояльцев в свои скудные метры. А тут и праздники подоспели, за которыми неумолимо маячили зимние каникулы. Поиски пришлось временно свернуть, чтобы запереться в библиотеке и полностью посвятить себя подготовке к экзаменам.

<http://bllate.org/book/19654/1996774>